

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

UDC 94

LBC 63.3(2)6

Submitted: 03.06.2023

Accepted: 20.09.2023

THE SOVIET EXPERIMENT ON LATINIZATION OF THE RUSSIAN ALPHABET, 1919–1931: POLITICAL ASPECTS

Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The issue of writing reform has been actualized in recent decades, including in the post-Soviet countries. Among other things, there are calls to translate the Russian writing into Latin. *Methods and materials.* Scientific works do not fully clarify all the political characteristics of “Russian Latinization”. The sources used in the research presented in this article include published materials and documents from the collections of a number of archives. *Analysis.* In 1929, at the initiative of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR, activities were launched to develop a Latinized alphabet for the Russian language. The “Latinizers” believed that the new Russian alphabet would become the basis of the writing of other peoples of the USSR and even foreign countries. In January 1930, three variants of the Russian Latin alphabet were presented. However, a negative reaction followed from the leadership of the USSR to this initiative. “Russian Latinization” was banned. *Results.* The reason for its failure, the “Russian Latinization” should be considered that it was not originally planned and was not authorized at the highest state level. However, at the time of its ban, the USSR authorities had not yet opposed Latinization in principle, and the creation of Romanized alphabets for other peoples of the country continued. The complete abandonment of the Latin alphabet occurred only after a radical change in national policy in the USSR in 1933–1934. Nevertheless, the ban on Romanization of the Russian alphabet became a “trigger” for the cancellation of the translation into Latin of the writing of other peoples of the USSR.

Key words: writing, alphabet, Russian language, Cyrillic, Latin, USSR, N.F. Yakovlev.

Citation. Sinitsyn F.L. The Soviet Experiment on Latinization of the Russian Alphabet, 1919–1931: Political Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 107-116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

УДК 94

ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 03.06.2023

Дата принятия статьи: 20.09.2023

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ЛАТИНИЗАЦИИ РУССКОГО АЛФАВИТА, 1919–1931 гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Федор Леонидович Синицын

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Вопрос о реформе письменности актуализировался в последние десятилетия XX – XXI в., прежде всего в странах постсоветского пространства. Прозвучали в том числе призывы перевести русскую письменность на латиницу. *Методы и материалы.* В научных трудах не до конца прояснены все политические характеристики «русской латинизации». Источники, использованные при проведении иссле-

дования, представленного в данной статье, включают опубликованные материалы и документы из фондов ряда архивов. *Анализ.* В 1929 г. по инициативе Наркомата просвещения РСФСР была развернута деятельность по разработке латинизированного алфавита для русского языка. «Латинизаторы» считали, что новый русский алфавит станет основой письменности других народов СССР и даже зарубежных стран. В январе 1930 г. были представлены три варианта русской латиницы. Однако от руководства СССР на эту инициативу последовала отрицательная реакция. «Русская латинизация» была запрещена. *Результаты.* Причиной неудачи «русской латинизации» следует считать то, что изначально она не планировалась и не была санкционирована на высшем государственном уровне. Однако в момент ее запрета власти СССР еще не выступали против латинизации в принципе, и создание латинизированных алфавитов для других народов страны продолжалось. Полный отказ от латиницы произошел лишь после кардинального изменения национальной политики в СССР в 1933–1934 годах. Тем не менее запрет латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены перевода на латиницу письменности других народов СССР – сначала этносов Крайнего Севера, затем угро-финских народов Поволжья и Урала и наконец – всех остальных.

Ключевые слова: письменность, алфавит, русский язык, кириллица, латиница, СССР, Н.Ф. Яковлев.

Цитирование. Синицын Ф. Л. Советский эксперимент по латинизации русского алфавита, 1919–1931 гг.: политические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 107–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.10>

Введение. Как минимум со второй половины XVII в. в России было отмечено появление русскоязычных записей и на латинице. В 1842 г. К.М. Кодинский в своей книге «Упрощение русской грамматики» подверг критике русский алфавит и призвал к переходу на латиницу. Тремя годами позднее В.Г. Белинский предложил свой вариант русской латиницы [11; 5]. Призывы перевести русскую письменность на латиницу время от времени раздаются до сих пор [4, с. 23]. В целом вопрос о реформе письменности актуализировался в последние десятилетия XX–XXI в. в ряде других стран постсоветского пространства – на латинский алфавит перешли азербайджанский, молдавский, узбекский и туркменский языки, готовится перевод на нее казахского языка.

Методы и материалы. В 1920–1930-х гг. научно-исследовательская работа в сфере лингвистики в СССР получила значительный импульс, обусловленный развернутым в стране «языковым строительством», включавшим в том числе разработку письменности и литературного языка для десятков народов Советского Союза. Среди ученых, внесших заметный вклад в эту деятельность, следует отметить В.М. Алексеева, Б.М. Гранде, Е.Д. Поливанова, Н.Н. Поппе, Н.Ф. Яковлева. В дальнейшем в СССР и современной России было издано множество трудов, посвященных истории «языкового строительства» (среди авторов – В.М. Алпатов, В.В. Базарова,

М.Н. Губогло, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев и другие ученые). В частности, в монографии и статьях В.М. Алпатова [2–4] рассмотрены отдельные аспекты деятельности «латинизационной» подкомиссии Н.Ф. Яковлева, однако еще не до конца прояснены все политические особенности процесса «русской латинизации».

Цель исследования, представленного в данной статье, заключается в определении роли и места деятельности по латинизации русской письменности в советской государственной политике и практике, ее корреляции с направлениями национальной политики. Источники, использованные при проведении исследования, включают опубликованные материалы и документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива РАН (АРАН) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН). В качестве методологической основы исследования взяты принципы научной объективности и историзма. Из числа общенаучных применены исторический и логический методы, а в тесной связи с общенаучными – другие специальные методы, характерные для исторического исследования.

Анализ. Как известно, после Октябрьской революции в Советском государстве были отвергнуты даже положительные моменты истории дореволюционной России, которая получила клеймо «тюрьмы народов», а русский народ – статус «колонизатора» и «поработителя». В СССР была развернута кампания

по «коренизации», которая заключалась в том числе в минимизации использования русского языка.

В рамках таких тенденций в 1919 г. во властных кругах РСФСР «возникла мысль о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», и начать было предложено с русской письменности. Подходы, которыми в эти годы и позднее руководствовались сторонники латинизации, базировались на уверенности, что кириллица – это якобы негодная, «ветхая», «отсталая» графика (мало того – даже «наиболее отсталая» по сравнению с письменностями народов СССР, уже перешедших на латинскую основу), она «не годится» [14, л. 2; 25, л. 122; 30, л. 20–21; 32, л. 12–13] для решения задач «социалистического строительства».

Одновременно пропагандировались «преимущества» латинского алфавита. Во-первых, его «интернациональное» значение [8, л. 8 об.; 14, л. 2] (что было важным в условиях ожидания «Мировой революции»). Во-вторых, латиницу рассматривали как инструмент обеспечения разрыва с «проклятым прошлым» [15, с. 214–215]. В-третьих, указывали на то, что «латинский алфавит... удобен, прост и легко читаем» [23, л. 63] (даже было посчитано, что в этом он якобы «превосходит русский» ровно в четыре раза [35, с. 39, 41]). «Латинизаторы» были уверены, что введение латиницы «даст рационализацию системы письма» [15, с. 216], в частности, устранил «лишние буквы, что позволит сократить их число до 30» [35, с. 40]. В-четвертых, считалось, что «введение нового алфавита сократит срок и облегчит процесс обучения грамоте», а также взаимное изучение русского и «нерусских» языков [8, л. 8; 16, с. 216].

Разумеется, у латинизации уже в 1919 г. обнаружили противники в лице ученых – членов Московской диалектологической комиссии (председатель – Д.Н. Ушаков) и Московского лингвистического кружка (председатель – Р.О. Яковсон), которые в письме, направленном в Наркомат просвещения РСФСР, разбили все доводы «латинизаторов» [14, л. 1–1 об.].

Тем не менее в начале 1920-х гг. в стране была осуществлена некоторая практическая деятельность в сфере латинизации рус-

ской письменности. Научный отдел Наркомпроса провел ряд заседаний и разослал информацию об этой инициативе в ведущие высшие учебные заведения страны [8, л. 9–10 об., 16; 31, л. 10]. Однако в те годы эта деятельность не была активной и не привела к практическим результатам.

В то же время в 1920-х гг. в Советском Союзе начали осуществлять программу перевода письменности многих народов – в первую очередь ранее пользовавшихся арабской письменностью – на латинскую основу и создания на этой основе алфавитов для бесписьменных этносов (так называемый новый тюркский алфавит, НТА). Были созданы Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (далее – ВЦКНТА), позднее переименованный во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (далее – ВЦКНА), и аналогичные региональные структуры (костяк «латинизаторов» включал видных советских деятелей, представлявших в основном кавказские и среднеазиатские регионы страны, в их числе были С. Агамали-Оглы, Д. Коркмасов, Н. Тюрякулов и др.). Достижения латинизации к концу 1920-х гг. (на латиницу была переведена основная часть письменности народов Азербайджана, Средней Азии, Северного Кавказа) стали не только основанием для утверждений «латинизаторов» о «регрессии» русской письменности, но и катализатором возрождения деятельности по латинизации русского алфавита [13, с. 23; 23, л. 64; 30, л. 3, 12, 19, 22]. Разворачивание этой работы поддерживал известный советский деятель А.В. Луначарский.

В 1929 г. Наркомат просвещения РСФСР развернул разработку реформы русской орфографии. Одновременно с этим вновь всплыл вопрос о латинизации. В ноябре 1929 г. по инициативе Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнауки) в составе комиссии по реформе орфографии была организована подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под руководством Н.Ф. Яковлева¹.

Для «идейного подкрепления» возрождения латинизации русской письменности были выдвинуты аргументы, которые в целом соответствовали подходам, разработанным «латинизаторами» ранее.

Во-первых, целью этой деятельности была объявлена «унификация» алфавитов всех народов страны. Звучали также доводы, что латинизация приведет к «международному признанию русского языка», «применению его как мирового» или как минимум включению Советского Союза в «международное научное общение» [8, л. 7 об.; 20; 30; 23, л. 63, 66].

Во-вторых, была подсчитана экономическая выгода от латинизации. Член подкомиссии профессор В.В. Николаев произвел «микрометрические измерения существующего русского алфавита» и выявил, что переход на латиницу даст экономию в типографском наборе на 11 %. Эту цифру «латинизаторы» не только стали постоянно использовать как важнейший аргумент, но и нередко увеличивали ее до 15 % [22, л. 57; 26, л. 60] и даже 20 % [13, с. 25]. Подкомиссия рассчитала, что переход на латиницу даст в 1932–1933 гг. экономию в размере 18,145 млн руб. и позволит «совершенно избавиться от импорта бумаги», после чего на сэкономленные средства «можно будет ежегодно ввозить не менее 1 500 наборных машин» либо «печатать 500 млн лишних оттисков книг» [22, л. 72]. «Латинизаторы» заявили, что только переход с «и» на «і» должен дать экономию до 4 млн руб. в год, в том числе до 1 млн руб. в иностранной валюте, на которую закупались цветные металлы для производства типографских литер [24, с. 99–100]. Еще одним обоснованием курса на латинизацию была объявлена ее «всеобщая поддержка». (Действительно, некоторые люди присылали в Москву проекты латинизации русской письменности и создания соответствующей орфографии [21, л. 64–70; 23, л. 65; 26, л. 41, 55 об. – 56; 30, л. 23–24].)

Несомненно, перевод русской письменности на латиницу был трудной задачей. Подкомиссия по латинизации полагала, что латинизация «может пройти полностью только к концу [первой] пятилетки» [22, л. 72] (то есть к концу 1932 г.) либо даже «в срок не менее четырех лет» (без затрат на капитальное переоборудование полиграфии) [15, с. 216], то есть к концу 1933 года. Трудности имелись и в идейно-политической сфере.

Во-первых, непросто было обосновать сам отказ от кириллицы и переход на латиницу, так как оба алфавита не имеют принципи-

альных отличий [2, с. 52]. Поэтому привести те же аргументы, которые использовались «латинизаторами» при переводе на латиницу письменностей, раньше имевших совершенно иную, например арабскую, основу, было невозможно. (Характерно, что в 1920-х гг. жителям СССР, пользовавшимся арабской письменностью, и латинский, и русский алфавиты казались «одинаковыми» [16, с. 173].)

Во-вторых, «мешало» наличие богатейшего культурного наследия на русском языке, написанного и изданного кириллицей. Действительно, в истории еще не было примера смены системы письма для языка с таким количеством литературы, как русский (а также, например, японский или китайский) [2, с. 53]. Закономерно, что известный советский синолог академик В.М. Алексеев считал, что для русского языка переход к латинизации «будет так же труден», как для китайцев – отказ от иероглифов. (Аналогичное признание этой трудности звучало, когда латинизация русской письменности выдвигалась как аргумент за латинизацию китайской и наоборот [8, л. 8 об.; 27, л. 1; 31, л. 11 об.])

«Латинизаторы» признавали наличие трудностей вплоть до констатации факта, что взрослому русскому населению переучить на латиницу будет невозможно. Они сетовали на то, что длительное время придется совмещать и старый, и новый варианты письменности [8, л. 8 об.; 14, л. 2].

Тем не менее «латинизаторы» были уверены, что эти трудности вполне преодолимы. На заседании подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке 14 января 1930 г. было объявлено, что, «конечно, все ценное из области художественной и научной литературы должно быть переиздано на новом алфавите». Н.Ф. Яковлев тогда же отметил, что «количество неграмотного русского населения до сих пор почти равно количеству грамотных» (то есть далеко не всех нужно будет переобучать), и «все расходы на латинизацию, несомненно, будут покрыты в ближайшее же время достигнутой экономией» [15, с. 211, 215].

Упор на экономию и «унификацию» всех советских алфавитов как основную цель был сделан «русскими латинизаторами» именно ввиду осознания трудности доказывания пре-

имущества латинской графики перед русским алфавитом [16, с. 142]. Так, Н.Ф. Яковлев обходился эту проблему с помощью утверждения, что проблема кириллицы состоит не в ее качествах, а в том, что она в отличие от латиницы не является «мировым алфавитом» (цит. по: [3, с. 145]).

В задачу подкомиссии, созданной под руководством Н.Ф. Яковлева, входила главным образом разработка «принципиальной стороны вопроса о латинизации», что и было сделано в виде формулирования принципов построения нового алфавита: «Использовать без графического изменения возможно большее число букв латинского алфавита»; «число букв... должно быть меньше, чем в теперешнем русском» и т. д. Кроме того, в январе 1930 г. подкомиссия представила разработанные ею три «пробных» варианта русской латиницы: a, b, v, g, d, e, z (ж), z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç (ц), c (ч), ş (ш), y (ы), í (ь), ú (ю), á (я), ó (е); a, b, v, g, d, e, z, z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç, c, ş, y, j (ь), ü (ю), ä (я), ö (ё); a, b, v, g, d, e, z, z, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, f, x, ç, c, ş, ь (ы), j (ь), y (ю), э (я), ө (ё) [15, с. 208, 212–213, 216–218].

6 января 1930 г. Н.Ф. Яковлев был приглашен сделать доклад в Коммунистической академии об идейно-теоретических основах и итогах работы подкомиссии по латинизации. Однако ученый секретарь подсекции материалистической лингвистики Комакадемии В.Б. Аптекарь еще до начала доклада обозначил свое неоднозначное отношение к «русской латинизации», высказал критику всего опыта латинизации в СССР и выразил сомнительное отношение к компетентности Главнауки в этой сфере [30, л. 1–2].

После доклада Н.Ф. Яковлева В.Б. Аптекарь вновь подверг сомнению идею, что латинизация будет служить «одним из рычагов социалистического строительства» и сможет дать экономии. Он напомнил, что для сотен миллионов человек вполне эффективно применяется китайская и индийская письменность и что дореволюционное «тяжелое наследие» русского алфавита к началу 1930-х гг. (то есть через много лет, прошедших после Октябрьской революции) уже не более значимо, чем «колониаторское» наследие латиницы. Аптекарь отметил, что «целый ряд начертаний ла-

тинского алфавита гораздо хуже для восприятия, чем знаки русского алфавита», обвинил «латинизаторов» в «западничестве» и «обезьянничестве» и заявил, что латиница – это инструмент «мирового капитализма» [30, л. 39–42].

Сведения о дискуссии уже на следующий день были опубликованы в газете «Вечерняя Москва» с закономерным выводом, что «направление работ подкомиссии Главнауки не встречает особого сочувствия у работников подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии» [12].

Тем не менее «латинизаторы» во всеулышание объявили о результатах их деятельности, опубликовав 13 января 1930 г. статью в «Литературной газете» [33]. Очевидно, они ожидали похвалу и поощрение своей дальнейшей работы.

Через три дня заведующий Главнаукой И.К. Луппол через наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова сообщил И.В. Сталину, что подкомиссия под руководством Н.Ф. Яковлева успешно завершила «предварительную проработку» латинизации русской письменности. Однако эта информация была подана «с оглядкой»: «Всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны. Вопрос... лишь прорабатывается в органах Наркомпроса» [24, с. 99–100]. Очевидно, у чиновников Наркомпроса не было уверенности, что «наверху» гарантированно поддержат это начинание.

Действительно, от руководства СССР последовала отрицательная реакция. 26 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита» [24, с. 100]. «Предложение» высшего партийного органа в условиях того времени, разумеется, следовало рассматривать как приказ.

В ответ чиновники Наркомпроса доложили об исполнении. 5 февраля 1930 г. И.К. Луппол сообщил в секретариат Политбюро, что 30 января того же года «была распущена [под]комиссия по латинизации, и в аппарате Главнауки вся работа по латинизации была прекращена». Луппол также представил оправдания в отношении предыдущих «слухов о латинизации»: «Частные заметки, появляющиеся в печати... шли

не из Главнауки, а от отдельных членов [под]комиссии, с которыми учреждения вели переговоры до постановления ЦК. Во избежание такого явления в будущем... Главнаука обратилась в печать с предложением прекратить помещение в печати заметок и статей по вопросу о латинизации» [24, с. 100–101].

Между тем деятельность «латинизаторов» на самом деле не прекратилась – они фактически проигнорировали указание Политбюро ЦК ВКП(б), причем не скрывали этого, объявив в вышедшей не ранее конца апреля 1930 г. 6-й книге сборника «Культура и письменность Востока», что «в настоящее время работы [под]комиссии [по латинизации] продолжают» [15, с. 208]. Весомая часть этой книги (с. 20–43 и 208–219) была посвящена именно латинизации русской письменности. 26 апреля 1930 г. Н.Ф. Яковлев сделал в Коммунистической академии доклад на тему «Очередные задачи прикладной лингвистики». Он вновь выдвинул аргумент о необходимости введения «международного латинского алфавита» и заявил, что «русский язык в отношении своего языкового строительства... является довольно отсталым». Очевидно, продолжение деятельности «латинизаторов» оставалось возможным потому, что вопрос о «русской латинизации» продолжал «циркулировать» в некоторых партийных органах; так, в сентябре 1930 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) сообщил в Совет национальностей ЦИК СССР о наличии плана «будущей латинизации русского, украинского и белорусского языков» [17, л. 40 об.; 30, л. 10 об. – 11]. Тем не менее во время заседания в Комакадемии 26 апреля 1930 г. планы «русской латинизации» открыто уже не звучали, в чем, по всей видимости, проявилось влияние решения Политбюро, принятого в январе 1930 года.

Попутно продолжалась разработка реформы орфографии, которой занимался образованный при Наркомпросе Научно-исследовательский институт языкознания. На всесоюзном совещании по реформе орфографии, состоявшемся в июне 1931 г., было оглашено предложение ввести «і» вместо «и», «ј» вместо «й», упразднить буквы «э», «й», «ъ», писать «е» вместо «э» [9, л. 58]. Эта реформа предполагалась как временная мера, нацеленная на переход в дальнейшем на латиницу [4, с. 19–21].

Правда, теперь на данную деятельность со стороны властей последовала уже более жесткая реакция. 2 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита... создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства... воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита» [24, с. 101].

Следует отметить, что, несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации русской письменности, в начале 1930-х гг. общественность, как и в 1919 г., сопротивлялась этой инициативе. Так, в 1931 г. профессор Н.Н. Фатов прислал письмо в «Литературную газету», в котором заявил, что проект латинизации русской письменности является «объективно вредительским». Кроме того, выдвигались проекты «рационализации» русского алфавита без его латинизации [19, л. 5; 23, л. 6, 8; 30].

После нового постановления Политбюро «латинизаторам» все же пришлось прекратить свою деятельность. Как в марте 1932 г. отмечали сотрудники Всесоюзного общества по культурной связи с заграницей, реагируя на запросы из зарубежных стран по проблеме «русской латинизации», «Комиссия по латинизации русского алфавита при Наркомпросе временно прекратила свои занятия, и вопрос о латинизации русского алфавита временно снят с обсуждения». На самом деле прекращение этой деятельности было не «временным», так как оно более не возобновилось. В мае 1937 г. академик В.М. Алексеев на заседании в Академии наук СССР заявил, что русская латинизация, скорее всего, никогда не будет осуществлена [20, л. 3; 32, л. 9].

Почему же так быстро и безрезультатно закончилась эпопея с созданием «русской латиницы»? В.М. Алпатов указывает в качестве причины то, что «политически [этот] проект в обстановке 1930 года был не ко времени», так как изменилась общественно-политическая ситуация в стране [4, с. 18].

На наш взгляд, это не совсем так. В 1930–1931 гг. советское руководство прекратило латинизацию только русского алфавита, тогда как аналогичная деятельность в отношении письменности других народов продолжа-

лась, причем при основательной государственной поддержке; вплоть до 1937 г. финансировался и активно действовал ВЦКНА. После запрета латинизации русской письменности продолжалась и деятельность по латинизации «нерусских» алфавитов, построенных на кириллице (коми, марийский, мордовский, осетинский, удмуртский, чувашский, якутский и др.).

Негативный политический оттенок проблема латинизации приобрела значительно позднее того времени, когда произошел отказ от латинизации русской письменности, только в 1933–1934 гг., когда власти СССР по ряду внутри- и внешнеполитических причин решили пересмотреть основы своей национальной политики, вернув русскому народу государствообразующую роль. В рамках этих изменений новые подходы закономерным образом были приняты и в отношении русского языка, который отныне получил статус «первого среди равных» в Советском Союзе [7, с. 18] и должен был «стать достоянием каждого советского гражданина» [29]. Русская письменность была объявлена «алфавитом творений Ленина и Сталина», «первым в мире по количеству изданной на нем маркс[истск]о-ленинской литературы», алфавитом, «на котором изданы лучшие образцы мировой литературы» [18, с. 88–89].

Была развернута жесткая критика предыдущей деятельности, направленной против русского языка и алфавита. Партийные идеологи объявили, что замена русского алфавита «латинским... обесценила бы все... богатства, принадлежащие культуре пролетариата». Кроме того, они отмечали «недоказанность» того, что будущим всемирным алфавитом «будет именно латинский алфавит, вырабатывавшийся в свое время отнюдь не для обслуживания культуры коммунистического общества» [18, с. 89] (именно об этом и говорил В.Б. Аптекарь на заседании Комакадемии в январе 1930 г.). Очевидно, теперь роль «всемирного алфавита» могла перейти к русской письменности.

Начиная с 1933 г. нарастали изменения в подходе к латинизации. Весной того года Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) дал ВЦКНА «твердые указания»: «Ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые применяют русскую письмен-

ность» [24, с. 102]. В январе 1934 г. первый секретарь Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) М.О. Разумов на XVII съезде ВКП(б) резко высказался против латинизации алфавитов народов Севера: «Кому и для чего это надо? В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов?» [1, с. 215]. В феврале того же года в статье Л.Я. Ровинского в «Правде» было объявлено, что замена русского алфавита латинским – это «вреднейший вздор», который имеет «объективно антиреволюционную основу» [28]. При обсуждении деятельности ВЦКНА в июне 1935 г. ЦИК СССР обратил внимание на «серьезную ошибку», заключающуюся в переводе на латинский алфавит письменности народов, пользовавшихся русской графикой письма [10, с. 254–255]. В этой «вредной деятельности» нашли след и «русских латинизаторов» [34, с. 192].

С 1935–1936 гг. постепенно, но неумолимо был развернут перевод письменности почти всех народов СССР на кириллицу, который завершился к началу Великой Отечественной войны. Эти процессы происходили на фоне изменений всей советской национальной политики. К 1938 г. русский народ официально получил руководящую роль в Советском государстве. Были исправлены некоторые перегибы, связанные с избыточной «коренизацией» и умалением русского национального фактора. В систему государственных ценностей были возвращены героические страницы истории России и русского народа. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

После войны в СССР продолжилось укрепление статуса русского языка и письменности, которая была объявлена «замечательным образцом тонкого понимания общеславянской и русской фонетической системы» [6, с. 101].

Результаты. Таким образом, идеи о латинизации русской письменности возникли в Советском государстве раньше, чем об аналогичной реформе какого-либо другого алфавита. Можно сказать, что в этом проявилось значение русского языка как «государствооб-

разующего». «Русские латинизаторы» считали, что именно новому, «латинизированному» русскому алфавиту уготована роль основы для письменности других народов СССР и даже зарубежных стран.

Тем не менее аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой в связи с отсутствием принципиальных отличий между кириллицей и латиницей, а также наличием в кириллице большего числа букв, включая специально придуманные для русского языка. В дальнейшем, осознавая огромные трудности и масштабность сопротивления «русской латинизации» со стороны общественности, «латинизаторы» пытались выдвинуть новые аргументы за латинизацию (унификация, экономия ресурсов, рост международного статуса русского языка). Кроме того, они определяли для реализации этого проекта длительные сроки и указывали на необходимость долголетнего сосуществования кириллицы и латиницы в будущем.

Причиной неудачи «русской латинизации» следует считать то, что изначально она не планировалась и не была санкционирована на высшем государственном уровне, фактически являясь «самодеятельностью». Когда эта деятельность «была обнародована» (через прессу и сообщение Наркомпроса РСФСР в ЦК партии), властям стало ясно, что она зашла слишком далеко и на нее растрачиваются государственные ресурсы. После этого Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930–1931 гг. указало на ненужность латинизации. Однако если бы власти в этот момент были против нее как явления в принципе, то уже тогда свернули бы и остальную деятельность в данной сфере.

Произошло же это лишь после кардинального изменения национальной политики в СССР в 1933–1934 годы. В последующем отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены перевода на латиницу письменности других народов СССР – сначала этносов Крайнего Севера, затем угрофинских народов Поволжья и Урала и наконец – всех остальных (здесь вновь проявила себя роль русского языка как «государствообразующего»).

Закрепление такой политики осуществлено и в современной России, где введена правовая норма, что алфавиты русского языка

(государственного языка РФ) и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы (Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”»).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Н.Ф. Яковлев (1892–1974) – уроженец х. Булгурино Усть-Медведицкого округа области Войска Донского (ныне – в Волгоградском регионе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
2. Алпатов В. М. Факторы, влияющие на выбор системы письма // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 2. С. 51–53.
3. Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Яз. слав. культура, 2012. 374 с.
4. Алпатов В. М. Русская латиница Н.Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3. С. 8–28.
5. Белинский В. Г. Упрощение русской грамматики // Полное собрание сочинений. Т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 328–345.
6. Боровков А. К. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. 1956. № 4. С. 101–110.
7. Волин Б. Великий русский народ. М.: Мол. гвардия, 1938. 47 с.
8. Доклады и докладные записки // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 125. 20 л.
9. Записка // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 77. Оп. 1. Д. 4. 121 л.
10. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 351 с.
11. Кодинский К. М. Упрощение русской грамматики. СПб.: Тип. Штаба военно-учеб. заведений, 1842. 56 с.
12. Кут А. Еще о латинизации русского алфавита (в Коммунистической Академии) // Вечерняя Москва. 1930. 7 янв. С. 3.
13. Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 20–26.
14. Материалы о латинизации // СПФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13. 2 л.

15. Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 208–219.
16. Мударисова А. К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 216 с.
17. О реорганизации КНТА в ВЦКНА // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 19. 45 л.
18. Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81–96.
19. Отзывы профессора Каринского // ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 409. 6 л.
20. Переписка // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 490. 3 л.
21. Переписка Подсекции материалистической лингвистики // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 358. Оп. 1. Д. 94. 85 л.
22. Письма граждан // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 4. 95 л.
23. Письма граждан // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 5. 125 л.
24. Проблемы «латинизации русского алфавита» // Источник. 1994. № 5. С. 99–106.
25. Протоколы заседаний // АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 155. 164 л.
26. Протоколы заседаний // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81. 75 л.
27. Резолюция совещания // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2550. 61 л.
28. Ровинский Л. Об одной национал-демократической концепции // Правда. 1934. 17 февр. С. 3.
29. Русский язык – достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
30. Стенограмма доклада Н.Ф. Яковлева // АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 189. 42 л.
31. Стенограмма заседания группы языка и востоковедения // АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 28. 41 л.
32. Стенограмма заседания подсекции материалистической лингвистики // АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 47. 13 л.
33. Сухотин А. На международный алфавит // Литературная газета. 1930. 13 янв. С. 2.
34. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.
35. Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность востока. Кн. VI. Баку: ВЦК НТА, 1930. С. 27–43.
2. Alpatov V.M. Faktory, vlijajushchie na vybor sistemy pisma [Factors Influencing the Choice of Writing System]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2002, vol. 61, no. 2, pp. 51–53.
3. Alpatov V.M. *Jazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Jaz. slav. kultur Publ., 2012. 374 p.
4. Alpatov V.M. Russkaya latinica N.F. Jakovleva [Russian Latin Alphabet by N.F. Jakovlev]. *Nauchnyj dialog*, 2015, no. 3, pp. 8–28.
5. Belinskij V.G. Uproshchenie russkoj grammatiki [Simplification of Russian Grammar]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. IX* [Complete Works. Vol. 9]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, pp. 328–345.
6. Borovkov A.K. K voprosu ob unifikacii tyurkskih alfavitov v SSSR [On the Unification of the Turkic Alphabets in the USSR]. *Sovetskoe vostokovedenie*, 1956, no. 4, pp. 101–110.
7. Volin B. *Velikij russkij narod* [Great Russian Nation]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1938. 47 p.
8. Doklady i dokladnye zapiski [Reports and Memos]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii (daleye – GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 2306, inv. 19, d. 125. 20 l.
9. Zapiska [Note]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN (daleye – SPF ARAN)* [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 77, inv. 1 (1930), d. 4. 121 l.
10. Isaev M.I. *Jazykovoje stroitelstvo v SSSR (processy sozdaniya pismennostej narodov SSSR)* [Language Construction in the USSR (Processes of Creating Written Languages of the Peoples of the USSR)]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 351 p.
11. Kodinskij K.M. *Uproshchenie russkoj grammatiki* [Simplification of the Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tip. Shtaba voyenno-ucheb. zavedeniy, 1842. 56 p.
12. Kut A. Eshche o latinizacii russkogo alfavita (v Kommunisticheskoj Akademii) [More on Latinization of the Russian Alphabet (in the Communist Academy)]. *Vechernjaja Moskva*, 7 January 1930, p. 3.
13. Lunacharskij A.V. Latinizaciya russkoj pismennosti [Latinization of the Russian Writing]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. B. 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 20–26.
14. Materialy o latinizatsii [Materials on Latinization]. *SPBF ARAN* [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 197, inv. 1, d. 13. 2 p.
15. Materialy po voprosu o latinizacii russkoj pismennosti [Materials on the Latinization of Russian Writing]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. Book 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 208–219.

REFERENCES

1. *XVII syezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b), 26 janvarja – 10 fevralja 1934 g.* [17th Congress of the All-Union Communist Party (b), January 26 – February 10, 1934]. Moscow, Partizdat, 1934. 716 p.

16. Mudarisova A.K. *Reformirovanie tatarskogo alfavita v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Reforming of the Tatar Alphabet in 1920s – 1930s. Cand. hist. sci. diss.]. Kazan, 2001. 216 p.

17. O reorganizatsii KNTA v VTsKNA [On Reorganizing KNTA into VTsKNA]. *GARF*, f. 3316, inv. 23, d. 19. 45 p.

18. Orlickij D. Nacional-demokratizm v voprosah yazyka i pis'mennosti [National Democratism in the Issues of Language and Writing]. *Bolshevik*, 1934, no. 6, pp. 81-96.

19. Otzyvy professora Karinskogo [Reviews of Professor Karinsky]. *GARF*, f. 4655, inv. 1, d. 409. 6 l.

20. Perepiska [Correspondence]. *GARF*, f. 5283, inv. 5, d. 490. 3 l.

21. Perepiska Podsekcii materialisticheskoy lingvistiki [Correspondence of the Subsection of Materialistic Linguistics]. *Arkhiv RAN (daleye – ARAN)*, f. 358, inv. 1, d. 94. 85 l.

22. Pisma grazhdan [Letters of Citizens]. *GARF*, f. 2307, inv. 15, d. 4. 95 l.

23. Pisma grazhdan [Letters of Citizens]. *GARF*, f. 2307, inv. 15, d. 5. 125 l.

24. Problemy «latinizacii russkogo alfavita» [Problems of Latinization of the Russian Alphabet]. *Istochnik*, 1994, no. 5, pp. 99-106.

25. Protokoly zasedanij [Minutes of Meetings]. *ARAN*, f. 676, inv. 1, d. 155. 164 l.

26. Protokoly zasedanij [Minutes of Meetings]. *GARF*, f. 2307, inv. 14, d. 81. 75 l.

27. Rezoljutsija soveshchanija [Resolution of Meeting]. *GARF*, f. 2306, inv. 70, d. 2550. 61 l.

28. Rovinskij L. Ob odnoj nacional-demokraticheskoj koncepcii [About a National Democratic Concept]. *Pravda*, 1934, 17 February, p. 3.

29. Russkij yazyk – dostoyanie sovetskikh narodov [Russian Language is the Heritage of the Soviet Peoples]. *Pravda*, 1938, 7 July, p. 1.

30. Stenogramma doklada N.F. Jakovleva [Transcript of the Report by N.F. Jakovlev]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 358, inv. 2, d. 189. 42 l.

31. Stenogramma zasedanija gruppy jazyka i vostokovedenija [Transcript of the Meeting of the Language and Oriental Studies Group]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 394, inv. 7, d. 28. 41 l.

32. Stenogramma zasedaniya podsekcii materialisticheskoy lingvistiki [Transcript of the Meeting of the Subsection of Materialistic Linguistics]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 358, inv. 1, d. 47. 13 l.

33. Suhotin A. Na mezhdunarodnyj alfavit [To the International Alphabet]. *Literaturnaja gazeta*, 1930, 13 January, p. 2.

34. *CK VKP(b) i nacionalnyj vopros. Kniga 2. 1933–1945* [CC of VKP(b) and the Ethnic Question. B. 2. 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1095 p.

35. Jakovlev N.F. Za latinizatsiju russkogo alfavita [For the Latinization of the Russian Alphabet]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. VI* [Culture and Writing of the East. B. 6]. Baku, VCK NTA, 1930, pp. 27-43.

Information About the Author

Fedor L. Sinitsyn, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of New and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Информация об авторе

Федор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>